

Голое дерево гнётся на ветру. Лишённые листьев ветви, чертят по небу коричневые разводы. На небе нет солнца. Его здесь почти никогда не бывает. Есть ветер, мелкий дождь и железная дорога. Она уходит вдаль, за мутный горизонт, в обе стороны. Без начала и конца. Конца и начала. Есть железнодорожная станция. Название станции не различить — буквы почти стёрлись со временем. Идёт мелкий противный дождь. Струйки воды стекают по последним трём оставшимся буквам «нск». Скамейка, сиротливо стоящая под буквами, засыпана жёлтыми мокрыми листьями. В воздухе витает водяная пыль. Здесь есть только вечная осень. Ещё есть посёлок. Куча трёхэтажных домишек, налепленных тут и там рукою сумасшедшего планировщика. Есть школа и гастроном, он работает четыре дня в неделю и только до обеда. Был когда-то горно-обогатительный комбинат, но он уже десять лет как обанкротился. Есть полуразвалившаяся гостиница, редкие постояльцы которой просыпаются по ночам каждый раз, как через станцию без остановки проходит очередной поезд. Почта, отделение полиции и беспросветная, чёрная бедность.

Здесь очень редко останавливаются поезда. Скорый на Омск проходит без остановок, 48-ой останавливается на 5 минут и, кажется, спешит поскорее умчаться прочь, 39-ый останавливается на пятнадцать, но пассажиры, как правило, не выходят, у них есть свой мир, а этот мир им чужой. Его как будто и нет. А те, кто выходит, таращатся по сторонам, силясь понять, а туда ли вообще они едут. Некоторые из них тащатся в буфет, расположенный прямо на станции, выпить чая, а кое-кто из любопытства, узнать, чем-же угощают в этой дыре.

Но сейчас вечер. Небо продолжает бросать на землю капли воды. Буфет закрыт. Горит лишь одно окно на первом этаже. Сквозь мутное треснувшее стекло видна непонятного цвета обшарпанная стена, небольшая картина, висящая на верёвочке на гвозде, каким-то образом вколотенным в стену, и столик, покрытый клетчатой скатертью. За столиком на стульях, друг напротив друга, сидят девушка и полного вида женщина, о чём-то разговаривают.

— Тонь, шла бы ты домой, рабочий день окончен, ты и так уже все вилки по два раза поперемыла — проговорила полная женщина, в белом поварском халате.

— Сейчас, тётя Галь, сейчас пойду, ещё чуть-чуть только посижу — ответила девушка, кутаясь в шерстяной платок и бросая грустные взгляды в тёмное окно.

Антонина работает посудомойкой в этом буфете. Работа, конечно, не ахти какая, и платят три копейки, но платят, а здесь это самое главное. Здесь работа есть далеко не у каждого, держатся за любую.

А у Тони престарелая мать, возраст даёт о себе знать — хворает, младший брат, школьник, на ноги надо ставить, человека делать. По местным меркам, всё нормально, была бы только работа...

— Я завтра как обычно, в семь — проговорила девушка, одевая в дверях тоненький плащик, — может быть чуть раньше.

— Да будет тебе — тётя Галя сунула девушке в руки пакет с парой булок, — 39-ый завтра в девять часов, поспи, отдохни, вот, это для Серёжки...

— Спасибо вам большое... За всё — Тоня положила пакет с гостинцами в боковой карман плаща, смущённо улыбнулась и вышла за дверь.

На улице ветер покрепчал. Дождь бьёт в лицо, где-то вдали приближающийся состав даёт

оповестительный свисток. Антонина хочет стать этим поездом, локомотивом, прицепить к себе мать, брата, как вагоны, и умчаться из этого места далеко-далеко, куда глаза глядят. Кидать в топку жизни, уголь, дрова, бумагу, да хоть самой тащить, лишь бы только двигаться, ехать, жить... Но только и поезд движется по рельсам, проложенным кем-то и куда-то.

В подъезде сыро и пахнет плесенью. На лестнице темень, лишь небольшое окно чуть светлее непроницаемой темноты. Под ногами хрустит осыпавшаяся давным-давно штукатурка.

Где-то здесь расставили свои «ловушки» местные бродячие собаки.

Её квартира на втором этаже, слева от лестницы. Тоня открыла дверь ключом, вставляя его на ощупь. Звонок не работает, а стучать не надо — мама если и не спит, то открыть дверь для неё, с её больными ногами, задача не из лёгких. Брат выучил уроки и давно, наверное, спит. Ему завтра в школу. Ему надо хорошо учиться.

В квартире тихо и темно. Их кухни доносится чуть слышное тиканье настенных часов. В маленькой комнате сквозь сон немного кашляет мама. Девушка сняла мокрый плащ и сапожки. На кухню не пошла, она уже поела на работе. Это тоже, своего рода, плюс.

Проскользнула в ванную. Включила воду, напор воды сделала послабее — воду надо экономить, да и сильный напор и глубокая стальная раковина разбудят всех в квартире. Набрала полные ладони чуть тёплой воды и с наслаждением умылась. Девушка посмотрела на себя в зеркало, голубые уставшие глаза, локон мокрых светлых волос, прилипший ко лбу...
... спустив воду, девушка заметила большого чёрного таракана, бегущего по крышке сливного бачка. Тоня боится тараканов, особенно таких крупных. И что им здесь делать? В доме почти нет еды...

Тоня прошла в комнату. Она делит большую комнату со своим младшим братом. Комната делится шкафом и ширмой на две, примерно равные, половины. Включив настольную лампу и повернувшись к ширме спиной, Антонина сняла кофточку и футболку. Расправила постель, сняла джинсы. По вполне понятным причинам, девушка всегда спала, как минимум, в трусиках, ночнушки она не любила. Так приятно лечь в кровать, чувствуя на коже прохладную ткань постельного белья, ощущать приятную прохладу каждой клеточкой тела... Парня у неё не было, в посёлке парней было вообще мало, а нормальных — по пальцам пересчитать можно, да и те уже заняты. Все остальные, либо сидят, либо уехали.

Был у неё один парень, то есть был один раз. Грузчик с грузового терминала. На втором свидании, облапав Тонию за складами, он бросил её за ящики, стащил с неё штаны, задрал кофточку, изорвал трусики... Ему в голову не приходило, что девушка могла быть девственницей, понял это он лишь тогда, когда, жестоко издолбив всё её нутро, разглядел в полутьме свой окровавленный член. Было больно, обидно... и холодно...

Возможно, у них и могло что-нибудь сложиться, но вскоре он уехал в другой городок на заработки, не позвав с собой Антонину.

Иногда, среди ночи, когда брат и мама спали, девушка, очень осторожно, стараясь производить как-можно меньше шума, ласкала своё тело, закрывая глаза, осторожно проводя ладонями по своим молодым крепеньким грудям, опускалась ниже, поглаживала живот, ниже, ладонь проходила сквозь резинку трусиков... Пальцы касались самых её интимных мест, никогда не знавших мужской ласки. Поглаживая половые губки, пальчик трогал самое её большое девичье сокровище, тело наполняла сладкая истома, дыхание учащалось... Она всегда в этот момент отдёргивала руку, боясь разбудить всех в небольшой квартирке. Такие дела.

Тоня быстро сняла лифчик, выключила лампу и юркнула под одеяло. Скоро вставать.
— Сашка, давай быстрее! Чего ты там возишься?! — напустилась тётя Галя на официантку Александру, — 39-ый на перроне, 90-ый скоро подойдёт, неси подносы, готовь стаканы, клиентов встречать надо, да поживее ты!

Тётя Галя с силой толкнула в спину официантку Шуру. Оно была явно не в духе. На кухне буфета стоял густой пар, тут и там сновали фигуры в белых халатах и колпаках.

Главная повариха подошла к раковине.

— Тося, тут такое дело — мягко, вкрадчиво, словно извиняясь, проговорила она.

— Что случилось, тётя Галь? — спросила Антонина, споласкивая тарелку.

— Понимаешь, дело такое... Уволить тебя хотят, Семён Семёныч уже подписал... Я не могу ничего сделать — проговорила женщина, смотря куда-то в сторону.

Тоня опустила руки. Струя воды, разбиваясь о тарелку, обильно орошала её передник. Глаза направлены в стену.

— Тебе выплатят за три месяца... — тетя Галя обняла Тоню за плечи, — глядишь, и наладится всё, да и мы поможем, у нас мясо иногда остаётся, хлеб... Сокращение штатов, понимаешь...

Она сказала еще что-то, но Тоня не слышала. Тётя Галя, чуть постояв, отошла. Уволили.

Девушка опустила глаза вниз. Ладони, пальцы разбухли от воды, побелели. Что же делать-то теперь?...

Вечерело. В окно сторожки бились капли воды. Скоро дождь сменит снежная крошка. Скоро придёт зима.

— Я бы пошла в машинисты, или в помощники — мечтательно протянула Антонина, — заработала бы денег, повидала города...

— Эх, горемычная ты — со вздохом протянул дед Павел, местный сторож, — у тебя ж, образования нет, да и не берут девок в машинисты эти...

— Тогда в проводницы — девушка продолжала витать в своих мечтаниях.

— У-у-у, мил моя, там знаешь какой блат-то нужен? — ответил дед Павел, попыхивая папиросой, — связи, всё через связи нонче и происходит...

В печке потрескивают дрова, язычки огня разгоняют темноту комнаты. Тело наполняется ленью, так не хочется никуда идти...

Мама на больных ногах стоит посреди маленькой прихожей.

— И где тебя носит-то? — громким шёпотом говорит она, — Серёжка заболел, в райцентр везти надо, температура у него. Пока спала, а там и не знаю что и делать, спит сейчас.

— Ну, на работе-то как? — добавила мать, сменив гнев на милость.

— Уволили меня — девушка в слезах бросилась в объятия матери.

— Уволили!!! — не в силах сдержать рыдания крикнула девушка.

— Уволили! Мама, понимаешь?! УВОЛИЛИ!!!

Кажется, её последний выкрик способен разорвать этот шар на части и поглотить всю Вселенную.

— Уволили, мам, понимаешь... — чуть слышно проговорила она, крепко обнимая мать.

— Ну будет, будет тебе... — ответила женщина, поглаживая светлые волосы дочери, — будет...

Слёзы в глазах. У обеих. И скоро зима.

«Помогите, пожалуйста, на жизнь». Буквы на куске картона выведены аккуратным почерком, простым карандашом. В воздухе носится белая крошка, руки, держащие плакат, покрыты «гусиной кожей». На платформе стоит девушка и держит в замёрзших руках

плакатик с четырьмя страшными, только для неё, словами. Одета она всё в те-же осенние сапожки и такой-же осенний плащ. На голове шерстяной платок.

Скоро подойдёт 38-ой. Если повезёт, может кто и выйдет на платформу. Может и подадут. Если, конечно, очень повезёт. Сережка, вроде бы, поправился, но всё еще сопливит. Врач опасается осложнений. Скоро будет нечем платить за жильё, Тоня вытащила из кармана четыре монеты: два пятак, одна по рублю и двушка.

Приближающийся поезд подал свисток. Девушка вскинула глаза. Улыбка надежды тронула губы. Голубые глаза, кажется, стали бесцветными. Или это только кажется.

Состав остановился на станции, громко свистя пневматикой. Тоня не отрывает глаза от земли, ей стыдно. Смотрела бы в глаза людям — подавали бы больше. Но всё равно никто не выходит...

— Эй, девушка... Девушка! — Тоня услышала голос откуда-то сверху. Подняла глаза. На подножке вагонной двери стояла упитанная проводница в форменной шапке и бушлате.

— Ты кто такая? Чего тут стоишь? — спросила девушку женщина.

— Ищу деньги на жизнь, — чуть слышно ответила Тоня, не поднимая глаз.

— А ну лезь сюда, не бойся — проводница поманила девушку рукой.

Тоня отрицательно помотала головой, сделал шаг назад.

— Да не бойся ты, сегодня состав тут сорок минут стоять будет, и не выйдет никто в такую погоду, а мы с тобой посидим в купе, чаю выпьешь — проводница протянула руку.

Поколебавшись, девушка ухватила за протянутую руку и впорхнула в вагон...

— Проходи — пропустила проводница Антонину в служебное купе, — присаживайся.

Девушка присела на краешек нижней полки.

— Машунь, принеси нам чайку и ещё что-нибудь посмотри там! — крикнула проводница в открытую дверь купе.

— Ну, рассказывай давай — усевшись напротив, обратилась она к Тоне, — что произошло? Тоня рассказала, всё как было и есть. Рассказывала, попивая чай, смотря в окно купе, первые снежинки кружились за окном, падая на ещё серую землю. Женщина внимательно слушала, разглядывая девушку.

— Ты вот что — произнесла женщина, когда Антонина закончила свой рассказ, — приходи завтра в восемь утра на станцию, будет 110-ый, подойдёшь к первому вагону, скажешь, что от Алевтины Сергеевны, это я. Проводница пустит тебе. Состав пойдёт до Манино, а там в отстойник, там есть общежитие для локомотивных бригад, я там тебя найду.

— А что, в школу проводниц возьмёте, да!? — оживилась девушка, во все глаза посмотрев на Алевтину Сергеевну.

— Может и возьму — после продолжительной паузы ответила та, — поспособствую...

— Мама! Меня берут в школу проводниц!! — крикнула с порога Тоня, кинувшись на шею матери.

— Дай то Бог, доченька... — ответила женщина, обнимая дочь.

— Уедешь от нас, да? — в дверях комнаты возник брат, — навещать-то будешь?

— Серёжик, да куда я не уеду! — взлохматив брату волосы, ответила девушка, — там же рейсы, ну уеду на недельку, потом домой вернусь...

* * *

Поезд, скрипнув тормозами, остановился. Девушка, ловко спрыгнула на землю, куда ни глянь — железнодорожные пути, справа виднеется тёмная громадина, железнодорожное

депо, рядом — пятиэтажный дом, по сравнению с депо, просто домик. Общежитие локомотивных бригад, догадалась Тоня. Девушка двинулась вдоль состава в сторону построек. Между вагонов увидела калитку в заборе, юркнула под состав, так быстрее.

Чьи-то сильные руки ухватили её за талию и потащили назад, ойкнув, Тоня забилась всем телом.

— Ты куда лезешь-то, дура?! — услышала она строгий, но не злой голос, — а вот состав назад покатится, и на куски тебя, дурёха?!

Вырвалась, посмотрела. Молодой парень с интересом смотрел на нее, был одет в железнодорожную форму, с петлицами и в забавной фуражке.

— Я к Алевтине Сергеевне — проговорила Тоня, парень был явно ничего.

— А, к старшей проводнице, да? Ну так она в общаге должна быть, я провожу, а то опять под поезд полезешь — ответил он.

Они шли и разговаривали. Тоня узнала, что его зовут Максим, он работает машинистом, дома бывает редко, завтра состав уходит в обратную сторону до Алексеевки и что помощник его, Миха, ещё долго будет проверять подвижной состав, а сам он сейчас пойдёт в диспетчерскую за путевым листком... Тоня мало чего понимала из его рассказов, но парень ей явно нравился.

— А ты сама то что за птица, Антошка? — спросил он, добродушно улыбаясь.

Девушка фыркнула на столь вольную трактовку её имени, рассказала, что живёт с мамой и братом, работает на станции. Вот именно что работает. Вот и всё.

— А к Алевтинке то зачем пожаловала? — спросил он, — по делам или родственница?

— Ну, подруга... Родственница — уклончиво ответила Тоня.

Подошли к общежитию.

— А вон и Алевтина — сказал Максим, показав на крыльцо здания, — ну, я пойду, может ещё встретимся.

Махнув на прощание рукой, двинулся в сторону депо. Девушка, провожая его взглядом, поймала себя на мысли о том, что понравился ей этот парень, очень даже и понравился.

Подошла Алевтина.

— Здравствуй, Тонька, приехала таки — проговорила она, — пойдём поговорим...

— Пока мест нет — сказала Алевтина, выпив рюмку водки.

— Ну... — протянула Тоня, ловя осколки недавней мечты.

— Ну что «ну»? Ну пока нет, потом будут... Через две недели новый набор — успокоила её женщина.

Антонина пыталась удержать выступающие слёзы. Повисла гнетущая пауза. Девушка шмыгнула носом.

— На составах хочешь покататься? — непонятно к чему, вдруг спросила Алевтина.

— Зачем? — не поняла Тоня, не зная, как понять этот вопрос. То ли хочет ли она покататься именно на составах, либо хочет ли она вообще покататься и зачем?

— Слушай — после долгого раздумья ответила Алевтина Сергеевна, — девочка ты взрослая, я буду говорить прямо — хочешь заработать денег?

— Хочу — осторожно ответила девушка.

— Ты не думай, я абы кому не предложила бы — пытаюсь предать предложению побольше весомости, добавила женщина.

Тонино сердце замерло в ужасе, неужели это то, о чём она подумала, но как? Как она дошла

до такого? — Понимаешь — продолжила Алевтина, — в наших поездах ездят вполне приличные пассажиры, воспитанные, но одинокие...

— Это называется проституция — ледяным голосом заключила девушка.

— Ну, да... — с облегчением согласилась женщина, радуясь, что ей больше не придётся ничего объяснять.

— Нет — ответила девушка, поднявшись.

— Да подожди! — воскликнула женщина, — ты подумай, ну что ты будешь делать? Ну нет работы здесь, у тебя больная мать, младший брат, это не ты такая, а обстоятельства такие и жизнь! — выкрикнула она, хлопнув пустой стопкой по столу.

— Ты знаешь... Я сама также начинала, да! — пьяным шёпотом продолжила она, — а у меня никого не было на «железке», зацепилась, познакомилась с кем надо, и вот — проводник. Старший проводник, — подчеркнула она, подняв палец.

— А по поводу школы проводников — я буду тебя пробивать — закончила она.

Женщина откинулась на спинку стула. К комнате повисла звенящая тишина.

— Я пойду свежим воздухом подышу, а ты подумай. Вернусь — скажешь, если будешь согласна — скажу что делать дальше — чуть пошатываясь, Алевтина побрела к двери.

Антонина положила локти на стол, дрожащими руками налила себе рюмку водки, залпом выпила, потом ещё одну... и ещё...

Тоня вышла из общежития, повязывая на голову свой шерстяной платок. Её шатало. Ближайшая станция где-то за полем, Алевтина сказала, что через два часа будет 62-ой, проводницы свои — подберут. Время ещё есть. поморгав глазами, сдерживая слёзы.

— Так, так, спокойно, пошли... Я тебе помогу — успокоила её женщина, беря за руку...

— Ну, вот, просто войдёшь, поздороваться, а дальше всё пойдёт само собой... Я то знаю... , — вновь подчеркнула женщина, кивнув головой — они стояли возле двери пятого купе...

Дверь отъехала в сторону. На пороге показалась миловидная худенькая девушка со светлыми волосами, в чёрном вязаном свитере и в чёрной длинной юбке, за ней — полная женщина, кивающая головой. Женщина исчезла, девушка переступила порог купе и закрыла за собой дверь...

— Здравствуйте! — звенящим от волнения голосом произнесла она.

Казалось, в купе никого не было.

— Здравствуй, деточка — донеслось из полутьмы откуда-то слева, из угла, между окном и стеной.

Тоня увидела пожилого, даже старого человека, с тросточкой и аккуратной, седой бородкой. Человек снял с головы шляпу и положил её перед собою на стол.

— Как тебя звать, дорогая? — осведомился человек, кладя руки на рукоятку трости.

— Тоня, Антонина — проговорила девушка.

— А лет тебе сколько? — мягко поинтересовался гражданин.

— Двадцать, скоро двадцать один будет — чуть смелее ответила Тоня.

— Ты знаешь, моей внучке девятнадцать и звать её Дарья, и очень на тебе похожа, присядь — он похлопал по полке рядом с собой.

Девушка была готова ко всему, но только не к такому. Боже, это немыслимо, такое ей даже не приходило в голову.

На негнущихся ногах девушка сделала пару шагов и присела рядом со стариком.

— Давай представим, что тебя зовут Даша и ты моя внучка, ладно? — мягко проговорил

старичок.

— Ладно — чуть слышно ответила Антонина, сдерживая рвотный рефлекс, вытянувшись в струнку.

Вот и славненько, присядь пожалуйста вон туда — он указал тростью на противоположный диван.

Девушка подчинилась, сев на середину дивана. Старик встал со своего места, и опираясь на трость, сделал шаг и кряхтя сел рядом. Девушка успела заметить, какие у него морщинистые руки и трясущиеся колени.

— Давай вообразим, что я пришёл в комнату своей внучки — проговорил дедок, положив свою дряхлую руку девушке на колено.

— Встань передо мною — шепнул он на ухо Тоне.

Девушка встала, опустив голову, нервно трогая пальцами полы юбки. Старик облизнул пересохшие губы, вперив взгляд в чёрную кофту девушки.

— Покажи, что там у тебя есть... Под юбкой — прошептал извращенец, дрожащей рукой ставя тросточку в угол купе.

Антонина потянула юбку вниз, показались белые трусы под тёмными плотными колготками.

— Дальше, дальше... — зашептал старик, не отрывая взгляд от нижнего белья девушки.

Тоня отпустила юбку, юбка упала к ногам. Взялась за колготки, спустила и их. Старик вперил полубезумный взгляд в белые трусики девушки.

— Я сам, сам... — горячо зашептал он, протягивая дрожащие руки к резинке.

Зацепил узловатыми пальцами белую ткань, потянул вниз. Его взору открылся раскидистый кустик светлых, чуть завивающихся лобковых волос. Тоня сжала кулаки и зажмурила глаза.

— Прекрасно — прошептал старик, проведя ладонью по волосам, ухватившись второй рукой за ягодицы девушку, привлекая её ближе.

— Даша, деточка моя... — прошептал старичок, потеревшись губами и лицом о лобковые волосы.

— Эх, кабы был бы я моложе... — с грустью произнёс «благообразный» человек, усаживая Антонину рядом с собой.

— Порадуешь старого больного человека, да? — шептал он ей на ухо, держа руку между ног девушки.

— Откинись назад, расслабь бёдра — произнёс он.

Шершавые холодные пальцы судорожно тёрлись о половые губы, проникая между ними, задевая клитор, временами стараясь ухватить и потянуть лобковые волоски. Девушка закусила губу и тихонько заскулила.

— Тише, тише, Даша, всё хорошо... — не своим голосом прошептал он.

— Раздвинь чуть-чуть ножки — попросил пожилой гражданин.

Девушка чуть раздвинула, не зная, куда деть глаза.

Наконец, мучитель вытащил свою руку, поднёс её к лицу, закрыл глаза и вдохнул запах.

— А ну-ка, сейчас... — одной рукой ох ухватился за край столика, второй оттолкнулся от плеча девушки — встал на ноги перед ней.

Принялся расстёгивать брюки, стянул их вместе с длинными широкими трусами. Тоня с ужасом увидела старый, сморщенный член, почти незаметный в копне рыжеватых волос.

Член уже чуть-чуть удлинился, самую малость, это всё, на что он был способен.

— Ну, деточка, возьми его в ротик, будь хорошей малышкой... Даша... — бессвязно замычал

он.

Тоня, преодолевая себя, взяла член двумя пальцами, как таракана, которых всегда так боялась, наклонилась вперёд, обхватила его губами, уткнувшись лицом в рыжие заросли... Из её глаз потекли слёзы...

Обхватив края унитаза, девушка смотрела в круглое отверстие, за которым мелькало бело-чёрное месиво, струйки воды, сбегающие по стенкам, убегали куда-то вниз и падали на шпалы. Рвоты не было, не с чего, лишь спазмы голодного желудка и пересохшего горла. И ещё вязкий, соленоватый привкус во рту, вкус падения...

Тоня рыдала, положив голову на руки и на стол. За окном проносился всё тот-же серый пейзаж, состав шёл в обратную сторону.

— Ну будет, будет — Алевтина Сергеевна поглаживала девушкины волосы, приобняла за плечи... Я то знаю...

* * *

— Мам! Я вернулась!! — крикнула Тоня, едва открыв входную дверь.

В её руке был пакет с пачкой макарон и тремя яблоками.

— Как занятия прошли? — холодно, не выходя из комнаты, спросила женщина.

— Нормально, мам... А как, как Серёжка? — стремясь сменить тему, спросила девушка, показываясь в дверях комнаты.

— Плохо. Лекарства новые нужны — ответила мать, тихо заплакав...

Тонкий палец с накрашенным ногтем нажал на потёртую кнопку дверного звонка...

Конец первой части